

Гастроли Курганского кукольного театра

„ГУЛЛИВЕР“ ИЗ СТРАНЫ ФАНТАЗИИ

ПРИДУМАЛИ театр. То есть как это — «придумали»? Ну «открыли», «создали», наконец... Нет, все-таки — «придумали». Потому что театр, как сказку, сначала обязательно нужно придумать. Тем более, если театр этот кукольный.

А когда театр придумали, ему дали имя — «Гулливвер». Гулливвер — и мал, и весел, и глуп, и прощак. Но главное — он фантазер. Ему ничего не стоит создать целый мир, страну, города... Так можно ли было майя для театра имя лучшее, чем «Гулливвер»?

«Гулливвер» обосновался в Кургане, а в Свердловск приехал на гастроли. Гастроли пока маленькие — всего два спектакля. Но ведь и самому театру от роду только год.

Трудно судить о программе, о творческой позиции театра по двум спектаклям. Трудно, но все-таки возможно. Потому что сама эта программа, позиция только еще формируется, «вырастает» из первых спектаклей.

Прежде всего, «Гулливвер» не идет специально «кукольной» драматургии. Он доверяет кукле мысли глубокие, сложные и верит, что кукла с ними справится. А если вдруг трудно станет соизмерить маленькому тряпичному герою с большими человеческими чувствами — что ж, ему поможет живой актер — он всегда тут, рядом, и это тоже принцип «Гулливвера».

Нет, я то, я другое вовсе не открытия молодого театра. Скорее — попытка возродить древние традиции жанра, ведь кукольный театр с самого своего рождения уже брался за сложный материал. Да и существование в спектакле живого актера рядом с куклой — прием извечный, какется, еще со времен бродячих кукельников.

Дело не в новизне приема (если на то пошло, то теперь самым оригинальным и неожиданным вообще покажется театр с классической ширкой), дело в том, каким новым смыслом, глубиной удается этот прием наполнить.

НО лучше — по порядку. Свои гастроли «Гулливвер» открыл «Лешим». Рядом с названием на афише стоит фамилия автора — Н. Леснов. Кажется бы, это нечто само собой разумеющееся. Отнюдь. Так уж вышло, что театру, его главному (и единственному) режиссеру М. Хусиду пришлось заново открывать в «Лешим» его автора, возвращать проповеднику дух и мысль человека, его сочинявшего.

Ведь театр, работая над спектаклем, имел дело не с первоисточником, а с чрезвычайно мощной переделкой «Лешим» Б. Константинова и В. Рапера. Пьеса уже получила полную меру справедливых упреков за легковесность, примитив мысли и рядовую дозу пошлости. Поэтому (да простят нас создатели спектакля) планы на «Лешим» с некоторым предубеждением и легким содроганием при мысли хотя бы о кукольном стриптизе, столь живо обрисованном литыми драматургами.

Так что уж поневоле, прежде всего хочется сделать курганцам комментарий на то, что в пьесе (и, кстати) не было «Гулливвера» сумел, взяв в пьесе только необходимое и действительно полезное (прием «сюжетной игры», общий пародийный стиль), ввести в спектакль от себя (я от своего кукольного жанра) мысль настоящую и чувство глубокое, искреннее.

Нет в этой «сюжетности» стилистической пестроты (художник Л. Боровикова). Одежда и вся обстановка скорее сурово-сдержанным, чем беспешанно-веселым. Главными персонажами Лешим и Машим, кстати, не являются даже симпатичными. Куклы эти подчеркнуты грубоваты: суровая меховая шапка, спитая неровными, крупными стежками. Такая кукла когда-то давно делали известные мастера не для продажи — для себя. Но стоит только присмотреться к ним человеку, стоит поверить ему в их красоту — они и впрямь оживают, и в несложной их пластике выявляется вдруг искренность. И лица, вышитые неумелой

рукой по мешковине, оживают грустью и радостью, счастьем и болью.

Нет, что мы говорим, есть в них эта самая «душа человечкина». И неказистые на первый взгляд куклы, оказываются, способны на чувства настоящие. А когда чувства эти оказываются все-таки слишком велики для маленьких тряпичных человечков, они «человечкины» души, словно бы выйдут наружу: актеры (Е. Някин и Т. Белова) усадят своих героев на скамейку, положат ее головку. Ему на плечо, а сами расскажут (не по-кукольному — по-настоящему) о любви Лешим и Машим. Так войдет в этот, поначалу пародийный спектакль тема лирическая. Войдет, как будто неожиданно после шутливых картин в царском дворце.

Царь (Л. Савчук) — маленький, светлый, капризно-песклявый. И здесь актриса не сливается подлостью с куклой. И здесь — отношение к герою. Но на этот раз — иронически-снисходительное. Из царской свиты особенно выделяется почти бессловесный министр финансов (Н. Устинов). Тяжелый, долговязый, он находится в постоянной готовности вертнуться пополам и подобострастным поклоном. Наиболее привычное и удобное для него положение — горизонтальное. Кроме того, он обладает длинным носом, который всегда держит «по ветру».

Есть здесь и другие остроумные детали. Вот извлекают на свет божий древнюю фрейлину Муршинину (Н. Грибенникова). И мы видим, как актеры-сюмористы долго не могут справиться с этой куклой послепоступного тряпья. Наконец, а ней проглядывает голова старухи, после чего фрейлину, наконец, удается все-таки привести в чувство.

Однако сатирическим персонажам все-таки не всегда хватает остроты. Возможно, именно в этом спектакле, стремящемся выделить драматизм «Лешим», они могли бы быть злее, опаснее. И восточнее, очевидно, первые сцены спектакля кажутся наиболее затянутыми.

Вообще, затянутасть, ретивые спады — едва ли не самая большая беда спектакля. Возникают они там, где интересно найденный прием начинает повторять себя, не получает развития. Отчасти замедляет спектакль и музыка (Б. Гершбург), по-своему острая, подчеркнутая пародийная, но достаточно одноплановая. В ней не ощущается так удачно найденный в режиссуре переход комедийного начала в лирическое и драматическое. Можно было бы найти и другие более или менее крупные просчеты спектакля. Но, думаю, куда важнее сказать о его принципиальных победах. Принципиальных не только для «Лешим», но и для всего «Гулливвера». О победах, позволяющих говорить о собственном, оригинальном взгляде на искусство кукольного у создателей этого молодого театра.

А к победам так же относятся прежде всего фильм спектакля. Произвола здесь удивительная: казалась бы, актеры играют фильм пьесы Константинова и Рапера, а зритель ясно видит конец «Лешим» Леснова. Не изменил ни одного слова в тексте, режиссер спектакля сумел придать беззаботному «хепи-энду» острый драматизм.

...Вернулся Лешим домой — всели забытый, голый, большой, добрый. Пришел в родную Тулу да и упал как подношенный. Потом вроде ожил, зашевелился. Да только не жалеется кукле в чужих руках. А хозяин-то, живой Лешим, так и лежит, не двигается. Ушла из куклы ее «человечкина душа». И после шумной сюморной кутерьмы приходит в спектакль горькая лесновская мысль о гибели таланта среди глупости и ничтожества. И обобщается шутливой комедией народным эпосом. И актеры начинают этот спектакль не радостной улыбкой, а грустным долгим взглядом в зал — это их эпос, и притом с очень «человечкиной душой».

С. МАРГУЛИС.